

Ю.Д. Гранин

«Остров Россия» Вадима Цымбурского и геополитический проект «Большая Евразия»

Yuriy D. Granin

Vadim Tsymbursky's "Russia Island" and the geopolitical project of "Greater Eurasia"

В статье анализируется оригинальная версия геохронополитики Вадима Цымбурского. Ее теоретическим основанием стало понимание России в качестве особой «цивилизационной платформы» – страны, находящейся за «Великим лимитрофом». Следствием такого понимания стало обоснование органического характера геополитического движения России на Север и за Урал – в направлении «трудных пространств» вплоть до границ Тихого и Северного Ледовитого океанов. Тогда как продвижение в Центральную Азию и особенно на Запад, на земли «романо-германской цивилизационной платформы», исторически оказывалось контрпродуктивным, из века в век рождая ожесточенное сопротивление «северному гиганту». На этом основании Цымбурский интерпретировал дезинтеграцию СССР как возврат России к ее органическому состоянию, связывал будущее страны с внешней политикой «гибких союзов», необходимых для внутреннего развития страны: ее «трудных территорий» Сибири и Дальнего Востока.

Эти идеи оказались востребованы отечественной геополитической мыслью лишь в 2010-х гг. и частично были воплощены в геополитическом проекте «Большая Евразия». Последний стал следствием изменения геополитической и геоэкономической конфигурации мира, стимулировавшим Россию к повороту от недружелюбного Запада на Восток. Но что ждет ее «там, за поворотом»? И не окажется ли она в инициированных ею же больших геополитических проектах «Большой Евразии» и сотрудничества с Индией и Китаем на положении «младшего партнера»? Чтобы избежать провала на азиатском направлении, России необходимо разработать собственную модель модернизации страны на основе альтернативной западному модернизму системы ценностей, развития науки и образования.

Ключевые слова: геополитика, глобализация, мировой порядок, модернизация, Россия, цивилизация, ценности, Цымбурский.

The article analyzes the original version of the geo/chronopolitics of Vadim Tsymbursky. Its theoretical basis was the understanding of Russia as a special “civilizational platform” – a country located behind the “Great Limitrof”. The consequence of this understanding was the justification of the organic nature of Russia’s geopolitical movement to the North and beyond the Urals – in the direction of “difficult spaces” up to the borders of the Pacific and Northern Oceans. Whereas the advance to Central Asia and, especially, to the West, to the lands of the “Romano-Germanic civilization platform”, bordered by the limitrophic lands of Eastern Europe, has historically proved counterproductive, giving rise to fierce resistance to the “northern giant” from century to century. On this basis, Tsymbursky interpreted the disintegration of the USSR as a return of Russia to its organic state, linked the future of the country with the foreign policy of “flexible alliances” necessary for the internal development of the country: its “difficult territories” of Siberia and the Far East.

These ideas turned out to be in demand by the domestic geopolitical thought only in the 2010s and were partially embodied in the geopolitical project of “Greater Eurasia”. The latter was the result of a change in the geopolitical and geo-economic configuration of the world, which stimulated Russia to turn from the unfriendly West to the East. But what awaits her “there, around the corner”? And won’t she find herself in the position of a “junior partner” in the big geopolitical projects of “Greater Eurasia” and cooperation with India and China initiated by her? In order to avoid failure in the Asian direction, Russia needs to develop its own model of modernization of the country based on an alternative system of values to Western modernism, the development of science and education.

Keywords: geopolitics, globalization, world order, modernization, Russia, civilization, values, Tsymbursky.

Творчество Вадима Леонидовича Цымбурского (1957–2009) – известного отечественного филолога, гомероведа, политолога и геополитика – крайне многообразно. По мнению некоторых исследователей, будучи ведущим автором и интеллектуальным лидером журнала «Полис», он в 1990-е гг. стал одним из создателей новороссийской теоретической политологии. Но ближе к истине те, кто именует Цымбурского «русским Хантингтоном» (а иногда, и «русским Шпенглером» – сам он именовал себя «шпенглерянцем»), хотя его концепция, представленная в ряде отдельных, уточняющих друг друга статей, на мой взгляд, гораздо интереснее работ знаменитого американца. Не будем забывать и другое: опубликованная в журнале «Полис» в 1993 г. его программная статья «Остров Россия» увидела свет на два месяца раньше знаменитой статьи С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?». Но, как говорится, «нет пророка в своем отечестве». Вся слава переноса цивилизационного подхода в геополитику, разумеется, досталась американцу, а статья Цымбурского, наделав много шума, так до сих пор и остается, на мой взгляд, недооцененной. В этой статье и последующих работах Цымбурский [16, 17, 18, 19] предложил оригинальную авторскую версию геохронополитики, теоретическим основанием которой стало *его понимание России в качестве особой «цивилизационной платформы»* – страны, находящейся за «Великим лимитрофом».

Россия: цивилизация за «Великим лимитрофом»

По мнению Цымбурского, континент Евразия представляет собой сложный «архипелаг», состоящий из нескольких «этноцивилизационных платформ», отгороженных друг от друга «территориями-проливами» (*strait-territories*), являющими собой «пограничье» («лимес»), которое и отделяет друг от друга «цивилизации». В числе основных этноцивилизационных платформ Евразии он называл романо-германскую («христианские страны Центральной и Западной Европы»), исламскую, китайскую и индийскую, между которыми расположены пояса стран и народов (государств) лимитрофов⁴. Специального анализа различий между цивилизационными платформами и собственно цивилизациями Цымбурский не проводил, используя термин «платформа» для подчеркивания географического аспекта цивилизаций. Однако собственно географические границы были автору довольно безразличны. Гораздо важнее – границы этнокультурные, задающие возможные пространства геополитического действия цивилизаций и его успешность.

Ни одна цивилизация, отмечал он, не способна к успешному долговременному геополитическому действию на чужой платформе: России «ничего не светит» в Китае, Китаю – в Индии, Европе – в России, и всем вместе – в мусульманском мире. Успеха не будет в силу базовых (сущностных) отличий этих этно- и социокультурных образований. «Что такое в геополитическом смысле “цивилизации”, и можно ли к этому классу объектов отнести Россию?» – спрашивает Цымбурский. И отвечает вполне определенно: «...цивилизации в геополитике – это человеческие популяции, т.е. этносы или группы этносов». Но не всякие. «Это только такие популяции, из которых каждая, во-первых, образцово, эталонно воплощает определенный, резко контрастирующий с иными тип духовности и социальности, и во-вторых, заполняет собою некоторое достаточно обособленное пространство (ареал) в мировом раскладе, как бы конвертирует свой духовно-социальный тип в особую традицию государственного строительства и геополитики» [18].

На этих основаниях он выделял несколько цивилизаций, подчеркивая, что его определение цивилизации вполне соответствует той речевой реальности, когда одна и та же цивилизация обозначается разными названиями. «Ибо название, – цитирую, – может характеризовать ее либо по типу духовности или социальности, либо по основной геополитической нише, либо, наконец, указывая на тот этнос или группу этносов, которые исторически представляют популяционное ядро цивилизации. Так, цивилизация-лидер современного мира

⁴ У каждой из этих платформ, отмечал Цымбурский, «есть своя периферия, свой участок в “Евразии”. Россия же, если смотреть с любой такой платформы, – земля, встающая по ту сторону периферии. Россия – не “Евразия”, она – за “Евразией”».

может быть названа “западнохристианской” или “либеральной”, но точно так же “западной” или “евроатлантической”, или, наконец, “романо-германской”. Цивилизация китайская – она же и “конфуцианская”; исламская – она и “средневозвосточная”, и “арабо-иранская”, и т.д.» [18].

И Россия в этом ряду, продолжает автор, также вполне может быть охарактеризована в качестве особой цивилизации. Поскольку она, во-первых, в мировом географическом раскладе занимает особую нишу, не перекрывающуюся платформами иных цивилизаций и характеризующуюся самостоятельной государственной и геополитической традицией, длящейся 400–500 лет. Во-вторых, обладает особым типом духовности. В-третьих, обладает особым типом социальности (определяемым стратегической ролью государства в ее истории и конвергенцией культурной и политической функций в процессе эволюции страны). И, наконец, имеет «базисную популяцию, которая транспонировала свою духовно-социальную “особость” в геополитическую традицию: это люди, выступающие для себя и для мира как “русские»». С определенными уточнениями с этим выводом я готов согласиться. И подчеркнуть еще раз продуктивность идеи «лимитрофов», а вместе с ней – мысль об органичных (или неорганичных) векторах расширения цивилизаций, системном характере их взаимодействия.

Действительно, ретроспективно анализируя геополитическую карту мира, *мы без труда обнаружим «геополитические проливы», пространственно отделяющие цивилизации.* На протяжении последних столетий Россия (но не только она) то втягивает это пространство, организуя его под себя, то, наоборот, оставляет это межцивилизационное пространство обнаженным и открытым для чужого геополитического действия. В отношении Украины, Прибалтики или, например, государств Центральной Азии это особенно заметно в последние десятилетия. Но вплоть до XVIII столетия все было совсем не так. Московская Русь не покушалась на «Великий лимитроф» – череду территорий, отделяющих Россию как от романо-германской Европы на западе (Восточная Европа с Прикарпатьем и Приднестровьем), так и от юга и востока Закавказье с горным Кавказом, казахстанско-среднеазиатский край, зона обитания тюрко-монгольских народов, буддистов и мусульман по российско-китайской границе [16, с. 181–197].

Представляя собой пространство обитания и государство «великорусского этноса», Россия постепенно и неуклонно расширялась по мере продвижения Московского царства на Север и за Урал – в направлении «трудных пространств» вплоть до границ Тихого и Северного Ледовитого океанов. В отличие от продвижения на Запад и в Центральную Азию *это направление геополитического движения, утверждал Цымбурский, было*

«органичным» для Московского царства в XV–XVII вв.⁵ Тогда как продвижение в Центральную Азию и особенно на Запад, в земли «романо-германской цивилизационной платформы», окаймленной лимитрофными землями Восточной Европы (Прибалтика, Польша, Венгрия, Чехия), исторически оказывалось контрпродуктивным, из века в век рождая ожесточенное сопротивление «северному гиганту».

Естественно, возникает вопрос об основаниях такого взгляда: почему автор думал именно так?

Ответ на этот вопрос лежит в плоскости его концепции возникновения и распространения цивилизаций, которую иногда неверно интерпретируют, представляя цивилизации как отделенные и не связанные друг с другом образования: «Цымбурский, – пишут иные, – рассказывает свой геополитический зверинец по непроницаемым клеткам, однако оставляет между этими клетками свободное пространство, которое и является объектом “питания” этих зверей, одновременно разъединяет и соединяет их» [10].

Сказано образно, но не точно. Строго говоря, эту метафору можно применить к любым социальным наукам и, конечно, ко всем иным теоретическим объяснениям цивилизационной структуры человечества (концепциям О. Шпенглера, А. Тойнби, Ш. Айзенштадта и многим другим). Все они, так или иначе, категоризируют историческую действительность: «рассказывают» человечество по «категориальным клеткам», разделяя его, в зависимости от предметной области, парадигмальных и философских оснований исследования, на «общественно-экономические формации», «цивилизации», «классы», «этноты», «нации» и другие отделенные друг от друга общности и фиксирующие их понятия. В этом случае, разумеется, неизбежны теоретические упрощения исторической действительности. При реализации формы всеобщего (общего) теоретического упрощения истории необходимо и неизбежно. В этой связи Э. Дюркгейм утверждал, что «история должна быть микроскопом социологии». Он имел в виду не то, что история должна увеличивать малое, но то, что она должна быть инструментом, с помощью которого обнаруживаются структуры (паттерны), невидимые невооруженным глазом. В этом контексте, в свою очередь, и историческая макросоциология, расширяя видение аналитика до размеров, включающих много локальных историй в длительном историческом интервале, оказывается, как верно подметил Рэндолл Коллинз, «макроскопом исторического исследова-

⁵ После уничтожения на востоке последнего опасного антагониста, способного грозить жизненным центрам страны, – Казанского ханства «противники, попадавшие землепроходцам, – отмечал автор, – вообще выглядели не политическими силами, а просто компонентами сопротивлявшихся освоению ландшафтов, “этно-экоценозов”. Серьезные же соперники русских были на этом направлении в страшной дали за трудными пространствами, делавшими восточную границу открытой до встречи с китайцами и долгое время неопределенной даже потом».

ния». Такова диалектика теории и истории в конкретном исследовании, пытающемся объяснить специфику развития любой страны любого региона планеты на основе использования той или иной модели всемирной истории.

В нашем случае речь идет о ее интерпретации в контексте использования таких теоретических конструктов, каковыми являются локальные цивилизации. Такой ракурс видения и анализа, повторю, выносит за скобки исследования историческую конкретику, неизбежно упрощая исторический процесс до его структурных оснований, существование которых, в свою очередь, может быть интерпретировано с позиций «наивного реализма» – гносеологической установки, наделяющей понятия собственным, независимым от исторической действительности бытием. Однако этот «эпистемологический фокус» легко разоблачается указанием на принцип конструктивно-го реализма научных исследований и взаимопроницаемость используемых категорий [8]. Судя по всему, Цымбурский прекрасно видел эту сугубо гносеологическую проблему, а также проблему взаимосвязи и взаимообусловленности всех исторических феноменов.

По его мнению, не следует рассматривать цивилизации строго обособленно друг от друга, *а стоит смотреть на них как на элементы «суперсистемы», возникающей как минимум из двух компонентов*, между которыми имеются «лимитрофы», но также и создающей сложные геостратегические отношения политического, экономического и культурного порядка, в развитии которых важную роль играет силовой потенциал.

По крайней мере в двух случаях, пишет Цымбурский, *«цивилизации образуют бинарные системы, причем один из элементов системы играет роль “цивилизации-хозяина”, а другой, более молодой, выступает как “цивилизация-спутник”»*. Это Европа и Россия, а также Китай и Япония. В последнем случае – «это дальневосточная (так называемая конфуцианско-буддистская) цивилизационная система, внутри которой выделяются в последнее полтора тысячелетия “цивилизация-хозяин” – Китай с его континентальными приделами (Кореей, Юго-Восточной Азией, приалтайскими областями) и “цивилизация-спутник” Япония» [16, с. 120].

Однако *внутри бинарной системы цивилизаций могут устанавливать-ся различные типы геополитических (геостратегических) отношений* между «цивилизацией-хозяином» и «цивилизацией-спутником» [16, с. 121]. В случае Китая и Японии силовой, геостратегический аспект сводится к минимуму, а в случае с Россией он, по мнению В.Л. Цымбурского, максимально усилен. И это положение для него имело принципиальный характер.

По его мнению, повторим, в своих органических границах естественного месторазвития Россия утвердилась уже к концу XVII столетия. Но она упорно и постоянно в XVIII–XX вв. вторгалась в земли европейской цивилизации. *Это продвижение на Запад как череду попыток изживания наше-*

го «островитянства» Цымбурский иронично назвал «похищением Европы». «Данным определением, – писал он, – я стремился с предельной броскостью выразить тот же синкретизм цивилизационных и геополитических характеристик, который заключается и в исходном для всей моей концепции понятии “этно-цивилизационной платформы”. Великая цивилизация имеет свое популяционное ядро – группу народов (иногда это один народ) с собственной ареальной нишей в мировом раскладе. Для цивилизации Запада это – группа романо-германских народов, базирующихся по обеим сторонам Северной Атлантики и имеющих изначальные корни в Европе» [19].

Так что же случилось, когда элита России – государства, геополитически и цивилизационно сложившегося вне этого круга, – взяла да и объявила себя частью Европы, а свою страну – европейским государством и пожелала вырвать признание своих претензий у элит Запада? Тогда, отвечает Цымбурский, «русские быстро убедились: кратчайший путь к удовлетворению этого желания, помимо имитации западных культурных форм, состоит в закреплении за Россией постоянного, неотъемлемого места в европейской политике, когда судьбы этого ареала, его расклад и баланс сил определялись бы потенциалом России и направленностью ее воли» [19] (курсив мой. – Ю.Г.). Так, по мнению Цымбурского, Россия избрала путь силового включения в европейскую политику (в состав «политических народов»). В том числе «через серии акций, направленных на ликвидацию пространственной обособленности России от платформы коренной романо-германской Европы».

Для России, подчеркивает автор, «“быть Европой” прагматически значило быть силой в Европе, а “быть силой” легко переосмыслялось в “быть насильно”». И подробно рассматривает циклы «похищения Европы» Россией в XVII–XX столетиях, в каждом из которых она, попеременно руководствуясь политикой «прагматизма» или «идеализма», так или иначе «откусывала» от европейской платформы часть «государств-проливов», формируя в глазах коллективного Запада образ страны-агрессора. Это продолжалось вплоть до тех пор, пока после ликвидации СССР страна не достигла своих органических границ XVII столетия. И это, по мнению Цымбурского, было и остается благом для России: ...для России сейчас очень хорошее время, дело только за политиками, которые это поймут».

Но политики и коллеги начала 1990-х гг. его не поняли. Критика шла и от оккупировавших академические журналы «либералов», чей европеизм Цымбурский последовательно критиковал с 1993 г., и от «патриотов-державников» и неоевразийцев, свято веривших в неоСССР и мегаЕвразию, а потому оценивших концепцию «островитянства» России как «неоконсерватизм», «изоляциялизм» и «сдачу позиций».

Цымбурского действительно можно назвать «неоконсерватором», который был убежден, что после распада СССР основные угрозы России исходят

не от Запада или иных цивилизационных сообществ, а от нестабильности близлежащего периферийного окружения (лимитрофа). Поэтому он вел речь не только и не столько о государственных границах, сколько о парадигме развития постсоветской России в оптимальных для нее условиях умеренной изоляции от основных центров мира. И связывал будущее страны не с новым изданием «империи», а с «державным изоляционизмом», выраженным внешней политикой «гибких союзов», необходимых для внутреннего развития страны – ее «трудных территорий» Сибири и Дальнего Востока.

Эти идеи оказались востребованы лишь в 2010-х гг.: после «консервативного поворота Путина» (Мюнхенская речь, 2007), мировых экономических кризисов, провала идеи «Европа от Атлантики до Владивостока» и ряда других событий, обостривших конфронтацию РФ с «коллективным Западом». Страна, многие годы ориентированная на США и Европу, наконец обратилась к Востоку – «внутреннему» и «внешнему». Наконец-то пришло осознание, что доминирующее влияние евроатлантической цивилизации уходит в прошлое. Со второй половины XX в. именно она задавала правила «большой игры» – игры по правилам США и контролируемой ими «большой Европы». Но в последние годы эти правила стали меняться.

Проект «Большая Евразия»

Силовой потенциал национальных государств теперь ставится во главу угла их внешней политики, а работа через международные институты отступает на второй план. По мнению некоторых влиятельных аналитиков, сейчас «в мире установился “закон джунглей”, о котором под возмущенные крики предупреждали русские». И в этой «борьбе без правил мы, русские, с нашей историей, лихостью, идеологической незашоренностью, готовностью к риску имеем конкурентное преимущество. Надо лишь расстаться с глупостью следования в русле других правил и институтов, которые партнеры беспардонно отбрасывают. Если миру предлагается “закон джунглей”, нужно играть по “законам тайги» [5].

Разумеется, это эмоционально окрашенная метафора. Но верно то, что западоцентризм в политике и мышлении устарел. А значит, в обозримом будущем гораздо перспективнее движение нашей страны в направлении «Большой Евразии» – *нового концептуального пространства «геополитического, геоэкономического и геоидеологического мышления, задающего вектор взаимодействия государств континента*. Оно должно быть нацелено на совместное экономическое, политическое, культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евроазиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики» [6, с. 275].

По мнению авторов проекта, помимо России и Китая, он будет включать в себя страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, где все будут договариваться и налаживать сотрудничество [6, с. 276–277]. Теоретически это возможно, хотя и проблематично из-за вероятного соперничества Китая и России.

Вместе с тем эта идея привлекательна в силу ее социокультурного характера: оппонируя прежнему проекту «Большой Европы» (от Атлантики до Владивостока), фактически *«Большая Евразия» представляет собой макро-региональный проект совместного цивилизационного развития, куда, по мнению его разработчиков, войдут и некоторые страны Европы.* «Если рассуждать о будущей картине мира, – прогнозирует известный российский политолог С. Караганов, – то Европа в этой картине разобьется на части: одна будет в системе “Америка+” с США, а другая – в Евразии. Уже сейчас примерно ясно, где будет проходить граница. Вопрос только в том, куда решит пойти Германия. Думаю, что скорее всего в Евразию» [14].

Пока этого не наблюдается. С момента публикаций цитируемых прогнозов прошло более двух лет, но стремления западных стран встраиваться в проект «Большой Евразии» пока не наблюдается. Они предпочитают игру с нулевой суммой и пока игнорируют предложенный В.В. Путиным инвариант этого проекта: формирование «Большого евразийского партнерства», которое должно объединить общеконтинентальные усилия с участием стран ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и быть открытым для стран ЕС. Но последние избрали политику силового давления на Россию (расширения НАТО), политику санкций. А страны иной континентальной принадлежности больше интересуют возможность использования России в качестве транзитного коридора, поставщика сырьевых ресурсов, современного оружия, космических услуг (объем которых неуклонно сокращается) ну и, конечно, в качестве «толкача» для включения в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН. Россия в этом вопросе готова пойти им навстречу, а также Бразилии и Южно-Африканской Республике, которые просили об этом на последнем саммите стран БРИКС. Но ее внешнеполитические возможности ограничены, а экономическое положение, особенно после введения санкций, оставляет желать лучшего. Единственное, что действительно сближает Россию с ее главными партнерами в Евразии (Индией и Китаем), – это их *объективное ценностно-смысловое противостояние Западу в качестве особых «стран-цивилизаций»*, вынужденных осуществлять политику «догоняющего развития» без утраты своей цивилизационной идентичности.

Это противостояние особенно усилилось после попыток США сдержать развитие новых мировых центров, объявления в 2020 г. Штатами холодной войны Китаю, что естественным образом сблизило его с Россией и повысило шансы на реализацию другого макрорегионального проекта – создания тре-

угольника «Россия – Индия – Китай» как тактического дипломатического альянса трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. В качестве дипломатических коалиций альянсы не раз подтверждали свою эффективность. И хотя президент В. Путин не исключил (при определенных условиях) даже военно-политического союза с Китаем, долговременное сотрудничество трех великих держав маловероятно в силу преобладания «национального эгоизма». Несмотря на то, что Китай и Индия не имеют в гербе двуглавого орла, они, как и Россия, внимательно смотрят и на Восток, и на Запад, ища краткосрочные и долговременные выгоды для самих себя.

Последние довольно очевидны в условиях стабильного мирового порядка. Но в условиях наступившей хаотизации мира, создания после 24 февраля 2022 г. коалиции «анти-Россия» далеко заглядывать не приходится. Поэтому ставка на тактическое партнерство предпочтительнее. Но и здесь необходима координация общих целей внешней политики союзников, которая всегда и везде является средством для внутреннего развития стран. А успехи их внутреннего развития гарантируют привлекательность их общего внешнеполитического курса для пока еще не присоединившихся государств. В пространстве такой диалектики «внутреннего» и «внешнего» перспективно действовать, согласовывая интересы участников возможного альянса, учитывая неравенство стартовых условий, объективную принадлежность всех трех государств к странам «второго мира», вынужденным участвовать в зачастую совсем нечестной экономической, научно-технической, военной и иной глобальной конкуренции.

Чтобы в ней не проиграть, *нужны согласованные национальные стратегии развития*, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма, взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, реформирование экономики, опирающееся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но и главным образом на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы.

Национальные стратегии развития и геополитические альянсы

Ключевым моментом национальных стратегий является *мера сочетания этих – западных и собственных – форм модернизации*. Варианты могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу. Пример первого варианта дала Япония и «новые индустриальные страны» Юго-Восточной Азии. Однако итоги их развития в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Индией

и тем более с Китаем, успех которого был особенно впечатляющ. Экономический рост КНР в 2019 г. составил 6,3 %, а в 2020 г. ожидалось его снижение до 6,1 % [13]. Однако пандемия внесла свои коррективы, замедлив все экономики мира. Но и на этом фоне Китай остался единственной зоной экономического роста. В документах XIV пятилетки, которая стартовала в 2021 г., упор делается на развитие науки и образования, внутреннего рынка (за счет увеличения размеров среднего класса с годовым доходом свыше 10 тыс. \$ США) и инфраструктуры, поддержку инновационной деятельности.

Таким образом, создание геополитического треугольника «Россия – Индия – Китай» как зоны партнерства трех цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации, вполне реально. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Однако в этой «триаде», как, впрочем, и в БРИКС и в ШОС, Россия, к сожалению, в обозримом будущем не будет лидировать. И вот почему.

Обратим внимание, что санкции США против Китая были обусловлены не прихотью экстравагантного Трампа, а вполне здравым расчетом защиты интересов США на внутреннем и внешних рынках. Было замечено, что Китай начинает неоиндустриализацию с целью перехода от экономики экспортного типа (сильно зависимой от стран Запада) к экономике нового типа, ориентированной на внутренний рынок и на производство товаров с высокой добавленной стоимостью, которые планируют продвигать частично на рынки стран Запада, а в большей части – на территории, которые много веков были «задним двором» Европы и США. Экспорт и влияние последних в Юго-Восточной Азии, да и в Европе, где в последние годы Китай интенсивно скупает активы стратегических предприятий, могут быть серьезно ослаблены. Но для России важно другое.

Учитывая почти пятикратное превышение над экономикой РФ экономики Китая, низкий объем торгового оборота между нашими странами (1,67 % от всей торговли КНР), высокий уровень высшего образования в Китае (в рейтинге 200 университетов стран с развивающейся экономикой Россия находится на 4-м месте, уступая не только Китаю, но и Индии – 39 и 16 университетов соответственно против российских 15), огромные (более 4 трл) золотовалютные резервы КНР, показатели индекса человеческого развития и рейтинга «мягкой силы» Top-30 известного чарта Portland Communication (в котором Россия, опустившись с 2017 г. на 2 пункта, теперь расположилась на 28-м месте – сразу за КНР и перед Бразилией) [9], *можно предположить, что постепенно БРИКС выстраивается вокруг Китая, который вскоре станет китайским проектом. А Россия в нем будет занимать положение «младшего брата», если не проведет системную модернизацию страны.*

Модернизация России

В отличие от Китая, разработавшего стратегию модернизации еще 12 лет назад, в России государственной стратегии комплексной модернизации страны до сих пор нет. У нас только в 2010 г. была создана Комиссия по модернизации при Президенте РФ Д.А. Медведеве. Уже тогда многие заметили, что модернизация истолковывается правительством не системно, а точечно – как реформация отдельных сфер жизни (экономики, науки, образования, здравоохранения и т.д.), и прежде всего в технологическом ключе – как переформатирование за счет апробированных за рубежом технологий, которые были созданы совсем под другие задачи. Многим экспертам и специалистам, например, было ясно, что нам не нужны ни Болонский стандарт, ни начавшаяся чуть позже академическая реформа. Но, не считаясь с их мнением, чиновники лихо занялись «оптимизацией» науки и образования, рассказывали общественности сказки о том, что, получив диплом какого-либо российского вуза, можно будет поехать в Евросоюз, потому что российский выпускник будет таким же бакалавром, как и выпускник Сорбонны. А в итоге? В итоге никакой академической мобильности и свободы преподавания, которые требовала Болонская конвенция, у нас так и не ввели. Вузы ограничились переходом со специалитета на бакалавриат, увеличили нагрузку преподавателей и понизили качество образования. А академическая реформа в виде «слияния академий», сопряженная с введением новых наукометрических показателей (индекса Хирша, публикаций в журналах, включенных в базы данных Scopus, WOS и др.), которые не критиковал только ленивый, увенчалась лишь кратным повышением отчетности для контролирующих науку министерств и сокращением финансирования академических институтов.

Тоже самое случилось с высшей и средней школой. Если в Китае инвестиции в науку и образование в последние годы росли примерно на 18–20 % ежегодно, что позволило ему по числу ученых сравняться с США (примерно 1,5 млн человек), то у нас наблюдалась отрицательная динамика: в 1995 г. в России было около 600 тыс. научных работников, а сейчас осталось чуть более 400 тыс. В это же время в Китае число ученых прирастало примерно на 9 % в год, и по числу патентов на изобретения он в 2018 г. в 4,9 раза опередил США. Помимо этого, Китай кратно превосходит РФ в области финансирования НИОКР: по некоторым расчетам – в 48 раз, по другим, наверное, более реалистичным – в 10 раз. Об этом 23 декабря 2019 г. сообщил президент РАН Александр Сергеев. «Стратегия развития страны говорит о том, что к 2035 г. Китай по большинству научных направлений должен стать мировым лидером», – добавил академик [7].

Разумеется, количественная оценка в нашем случае не является достаточной. Гораздо важнее понять базовые причины происходящего. Обсуждая их, оппозиционные политики обычно кивают на авторитаризм политического

режима и «отсутствие демократии». Но, во-первых, демократия всегда имела и имеет множество исторических форм, а во-вторых, она никогда не была значимым фактором технико-экономического прогресса и благосостояния обществ. Скорее, наоборот. Да и авторитарные формы властвования, как свидетельствует история, могут быть «авторитаризмами развития», а не только стагнации. Разумеется, никто не застрахован от ошибочных и поспешных решений. Но надо вовремя уметь от них отказаться, чтобы не оказаться в «колее зависимого развития» [3, 4]. А эта способность тормозится разным «качеством» наших властвующих элит и обслуживающего их аппарата: одни из них обладают критической рефлексией и широтой кругозора, основанного на понимании сложной диалектики истории, другие мыслят стереотипно, находятся под обаянием теоретических клише, опирающихся на парадигму «линейного прогресса» (в направлении Запада), и не считаются с мнением экспертов-специалистов. Отсюда гетерогенность и методологический плюрализм политики России. Ее внутренняя политика все еще строится под влиянием давно устаревших западных теоретических стандартов социально-экономического и политического развития, тогда как ее внешняя и оборонная политика более сбалансирована, реалистична и разнообразна.

Цивилизационная специфика России

Как уже отмечалось, «Большая Евразия» представляет собой макрорегиональный проект формирования пространства совместного развития разных цивилизаций, куда, по мнению его разработчиков, войдут и некоторые страны Европы. Но его мало предложить. Надо создавать привлекательный образ совместного будущего, демонстрируя успехи собственной *цивилизационной модели и стратегии долгосрочного развития*. Но такой модели и такой стратегии пока у России нет, а проблем хоть отбавляй. Многие из них обусловлены цивилизационной спецификой нашей страны, выросшей из «советской цивилизации». Судьба этой цивилизации, распространившей свое влияние далеко за пределы СССР, с ее панидеей глобального превосходства и метаидеологией построения коммунизма известна. Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но у нее нет не только объединяющей народы политической и религиозной идеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она, как и в начале XX в., представляет собой псевдоморфозу – своего рода цивилизационного кентавра, причудливо (местами уродливо) сочетая элементы архаики, советского прошлого и западной «современности» [3].

На первый взгляд, такими же характеристиками обладает и современный Китай. Но ценностно-смысловое ядро этой цивилизации не эклектично, а целостно. Ее ценностно-смысловой каркас замыкается в контур, граница

которого очерчена корреспондирующим с идеями Дао (пути) конфуцианским философско-религиозным мировоззрением (с ключевой для него идеей соответствия «небесного» и «земного» как упорядоченной целостности) и соответствующим ему рационализмом. Основанный не на субстанциальной, а на процессуальной логике, определяемой спецификой языка [15], этот конфуцианский рационализм вырастает не из характерного для Европы базового противоречия между трансцендентным и мирским порядками, а из идеи их гармонического соответствия. Отсюда особая китайская стратегия жизни как эволюции, предполагающая поиск не лобового, а «обходного пути», поиск компромисса и иносказания как основного принципа политического действия и дипломатии. С этой стратегией корреспондирует представление о китайском народе как «большой семье» (что сближает Китай со странами Северной Европы) и государстве как Поднебесной империи, неслучайно названной после 1949 г. «срединной цветущей страной всеобщей гармонии народа». Поэтому социалистический период Китая рассматривается элитами и большинством населения как продолжение «великого пути», а однопартийность – как историческая форма естественной иерархичности общественного устройства.

Совокупность этих представлений является основой идентичности китайской (ханьской) нации. Последняя уже давно выстроена на основе не столько гражданско-политического, сколько культурного единства. А мы, потакая республиканским этнонационалистам, не единожды торпедировавшим идею «российской нации», уповаем на гражданский национализм, не уделяя должного внимания формированию социокультурного единства народов России и проектированию ее будущего.

В горизонте этого проектирования Российским центром стратегических разработок (РЦС), курируемым Алексеем Кудриным, предлагается, отказавшись от «всеобъемлющей программы модернизации», сделать акцент на формировании новых институтов развития – так называемых переходных институтов, призванных обеспечить трансформацию «естественного государства» в «государство открытого доступа» к политическим и экономическим ресурсам [1]. Этот замысел базируется на теоретических построениях Дугласа Норта и его коллег [11] и потенциально может быть воплощен при условии его поддержки в Кремле. Судя по всему, такая поддержка есть. Однако принципиальная трудность, возникающая при попытках имплементации этого проекта реформ, состоит в том, что «поле власти» не концентрируется в одной точке и одном субъекте: президенте и его администрации, премьер-министре, правительстве и его аппарате, – оно рассредоточено по всему пространству России: ее «субъектам» и «муниципалитетам», включает властные возможности и полномочия множества элит. Именно они должны воплощать в жизнь «промежуточные институты» – «систему правил» дей-

ствования для реформирования страны, краеугольным камнем которой является принцип «деперсонализации деятельности организаций и институтов». Именно этим сейчас занимается правительство, внедряя везде электронные формы госуслуг, дабы ограничить взимание бюрократической ренты чиновничеством. Но достаточны ли эти меры для превращения «естественного» российского государства и общества в государство и общество «открытого доступа»? Конечно, нет. И авторы проекта это осознают, уповая на систему санкций и компенсаций группам для нейтрализации их сопротивления новым правилам. Получится ли?

Маловероятно. По-видимому, как и раньше, следует уповать на просвещение властвующих элит, в результате которого они добровольно урежут свой эгоизм и свои аппетиты во имя Отечества. История царской России знала и «просвещенных бюрократов», и «просвещенных помещиков», и альтруистов-капиталистов. Но «погоды они не сделали» по ряду конкретно-исторических причин. Вдобавок не хватило времени и исторического везенья. Сейчас их тоже не хватает. И многие из числа политических, экономических и прочих «элит» и верхних эшелонов власти видят эту проблему. Но редко осознают ее геополитический аспект: в условиях крайнего обострения противостояния с Западом и неизбежной борьбы с ним (и не только) за сосредоточенные на нашей территории ресурсы проблема модернизации страны превращается в проблему ее сохранения в качестве независимого суверенного государства.

Поэтому, помимо формирования новых правил (институтов) социального и государственного управления, необходима большая культурно-идеологическая работа по обновлению ценностно-смыслового каркаса России, его наполнению новыми смыслами. В настоящее время он ориентирован в прошлое – там в великих победах наша страна ищет (и находит!) оправдание своего нынешнего положения, своей «суверенной демократии» и другой «цивилизационной специфики». Но в карете прошлого далеко не уедешь. Необходимо создание и внедрение новой жизнеспособной идеологии будущего. Эта идеология должна вести вперед, быть привлекательной для большей части внешнего мира и одновременно способной мобилизовать население на реализацию такого большого социального проекта, как построение социального государства нового типа – государства всенародно-го благосостояния, солидарности, справедливости и реального гуманизма.

Уважаемые коллеги. Мы завершаем работу нашего круглого стола. Поскольку Николай Иванович отказался от заключительного слова, позвольте мне, как одному из модераторов круглого стола, выразить чувство удовлетворения высоким качеством представленных докладов. Каждый из них вносит весомый вклад в исследование цивилизационной проблематики, выводит ее осмысление на новый уровень анализа. А все вместе они открывают новые горизонты изучения перспектив развития нашей страны как особой страны-цивилизации. Пусть ее ждет светлое будущее.

Гранин Юрий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Yury D. Granin – Sc.D. in Philosophy, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.
maily-granin@mail.ru

Список литературы

1. Аузан А.А. и др. Социокультурные факторы инновационного развития и имплементации реформ. М.: ЦСР, 2017. 189 с.
2. Гранин Ю.Д. Что такое глобализация? // Высшее образование в России. 2007. № 10. С. 116–121.
3. Гранин Ю.Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 34–44.
4. Гранин Ю.Д. «Цивилизации», «модернизации» и «революции» в наследии Айзенштадта и Хантингтона // European Journal of Philosophical Research. 2020. 7 (1). С. 12–19.
5. Караганов С. Каким будет мир? // Российская газета. 14.02.2019. Федеральный выпуск № 34 (7792). URL: <https://rg.ru/2019/02/14/karaganov-mir-nesmotria-nazego-haotichnost-vpolne-predskazuem.html> (дата обращения: 12.02.2022).
6. К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. 351 с.
7. Кубарев А. Китай вкладывает в научное место в 10 раз больше денег, чем РФ // Политика сегодня. 23.12.2019. URL: info/481103-kitai-vkladyvaet-v-nauchnoe-mesto-v-desyat-raz-bolshe-deneg-chem-rf (дата обращения: 12.02.2022).
8. Лекторский В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 2. С. 18–22.
9. Леонова О.Г. Динамика рейтинга «мягкой силы» России // Век глобализации. 2020. № 2. С. 104–118.
10. Некрасова Н.А., Холмогоров Е.С. И всякий остров спасся... URL: <http://www.rusobr.ru/day-comment/2254> (дата обращения: 12.02.2022).

11. Норт Д., Уолисс Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011. 480 с.
12. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под ред. Хэ Чуньцзи, Н.И. Лапина. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.
13. Рейтинг экономик мира 2019, таблица ВВП стран мира. 03.02.2020. URL: <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira/> (дата обращения: 12.02.2022).
14. Сергей Караганов рассказал о роли России в образовании Евразии // Российская газета. RGRU 01.10.2019. URL: <https://rg.ru/2019/10/01/sergej-karaganov-rasskazal-o-rol-i-rossii-v-obrazovanii-evrazii.html> (дата обращения: 12.02.2022).
15. Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М.: Садра, 2019. 160 с.
16. Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.
17. Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. М.: Европа, 2011. 372 с.
18. Цымбурский В.Л. Земля за великим лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // Русский архипелаг. Сетевой проект «Русского мира». URL: <https://archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/earth/> (дата обращения: 12.02.2022).
19. Цымбурский В.Л. Циклы «похищения Европы». Большое примечание к статье «Остров Россия» // Русский архипелаг. Сетевой проект «Русского мира». URL: https://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/comment/ (дата обращения: 12.02.2022).

References

1. Auzan A.A. i dr. Sociokul`turny`e faktory` innovacionnogo razvitiya i implementacii reform. M.: CzSR, 2017. 189 s.
2. Granin Yu.D. Chto takoe globalizaciya? // Vy`sshee obrazovanie v Rossii. 2007. № 10. S. 116–121.
3. Granin Yu.D. «Civilizaciya» i civilizacionnaya e`volyuciya Rossii // Voprosy` filosofii. 2020. № 12. S. 34–44.
4. Granin Yu.D. «Civilizacii», «modernizacii» i «revolyucii» v nasledii Ajzenshtada I Xantingtona // European Journal of Philosophical Research. 2020. 7 (1). S. 12–19.
5. Karaganov S. Kakim budet mir? // Rossijskaya gazeta. 14.02.2019. Federal`ny`j vy`pusk № 34 (7792). URL: <https://rg.ru/2019/02/14/karaganov-mir-nesmotria-na-ego-haotichnost-vpolne-predskazuem.html> (access date: 12.02.2022).
6. K Velikomu okeanu: xronika povorota na Vostok. Sbornik dokladov Valdajskogo kluba. M.: Fond razvitiya i podderzhki Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj», 2019. 351 s.
7. Kubarev A. Kitaj vklady`vaet v nauchnoe mesto v 10 raz bol`she deneg, chem RF // Politika segodnya. 23.12.2019. URL: info/481103-kitai-vkladyvaet-v-nauchnoe-mesto-v-desyat-raz-bolshe-deneg-chem-rf (access date: 12.02.2022).
8. Lektorskiy V.A. Konstruktivny`j realizm kak sovremennaya forma e`pistemologicheskogo realizma // Filosofiya nauki i tekhniki. 2018. T. 23. № 2. S. 18–22.
9. Leonova O.G. Dinamika rejtinga «myagkoj sily`» Rossii // Vek globalizacii. 2020. № 2. S. 104–118.
10. Nekrasova N.A., Xolmogorov E.S. I vsyakij ostrov, spassya... URL: <http://www.rus-obr.ru/day-comment/2254> (access date: 12.02.2022).
11. Nort D., Uoliss Dzh., Vajngast B. Nasilie i social`ny`e poryadki. Konceptual`ny`e ramki dlya interpretacii pis`mennoj istorii chelovechestva. M.: Institut Gajdara, 2011. 480 s.
12. Obzorny`j doklad o modernizacii v mire i Kitae (2001–2010) / Pod red. Xe` Chuan`ci, N.I. Lapina. M.: Ves` mir, 2011. 256 s.

13. Rejting e`konomik mira 2019, tablicza VVP stran mira. 03.02.2020. URL: <https://base-top.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira/> (access date: 12.02.2022).
14. Sergej Karaganov rasskazal o roli Rossii v obrazovanii Evrazii // Rossijskaya gazeta. RGRU 01.10.2019. URL: <https://rg.ru/2019/10/01/sergej-karaganov-rasskazal-o-rol-i-rossii-v-obrazovanii-evrazii.html> (access date: 12.02.2022).
15. Smirnov A.V., Solondaev V.K. Processual`naya logika. M.: Sadra, 2019. 160 s.
16. Cymburskij V.L. Ostrov Rossiya: Geopoliticheskie i xronopoliticheskie raboty`. 1993–2006. M.: ROSSPE`N, 2007. 544 s.
17. Cymburskij V.L. Kon``yunktury` Zemli i Vremeni. M.: Evropa, 2011. 372 s.
18. Cymburskij V.L. Zemlya za velikim limitrofom: ot «Rossii-Evrazii» k «Rossii v Evrazii» // Russkij arhipelag. Setevoj proekt «Russkogo mira». URL: <https://archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/earth/> (access date: 12.02.2022).
19. Cymburskij V.L. Cikly` «poxishheniya Evropy`». Bol`shoe primechanie k stat`e «Ostrov Rossiya» // Russkij arhipelag. Setevoj proekt «Russkogo mira». URL: https://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/comment/ (access date: 12.02.2022).